

Константин Арсеньев

Король Ричард II

Константин Константинович Арсеньев

Король Ричард II

«Драматическая хроника: „Король Ричардъ второй“ обнимаетъ собою только два последніе года царствованія и жизни этого короля (1398–1400). Въ первомъ действиіи онъ является такимъ, какимъ его показываетъ исторія: самовластнымъ, легкомысленнымъ, окруженнымъ недостойными любимцами, не щадящимъ ни жизни, ни свободы, ни имущества своихъ подданныхъ. Исторически верны и обе сцены между Болингброкомъ, герцогомъ Гирфордскимъ, сыномъ Джона Ганта, герцога Ланкастерскаго (будущимъ королемъ Генрихомъ II-мъ) и Томасомъ Моубрѣемъ, герцогомъ Норфолькскимъ. Для дальнейшего развитія действия летопись Голиншеда дала Шекспиру главные факты – конфискацію наследства, оставшагося после Джона Ганта, отъездъ Ричарда въ Ирландію, регентство герцога Йоркскаго, высадку изгнаннаго Болингброка, быстрый успехъ поднятаго имъ мятежа...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Константин Константинович Арсенъев Король	
Ричардъ II	0004
#2	0026

Константин Константинович Арсеньев Король Ричардъ II

Драматическая хроника: «Король Ричардъ Второй» обнимаетъ собою только два послѣдніе года царствованія и жизни этого короля (1398–1400). Въ первомъ дѣйствіи онъ является такимъ, какимъ его показываетъ исторія: самовластнымъ, легкомысленнымъ, окруженнымъ недостойными любимцами, не щадящимъ ни жизни, ни свободы, ни имущества своихъ подданныхъ. Исторически вѣрны и обѣ сцены между Болингброкомъ, герцогомъ Гирфордскимъ, сыномъ Джона Ганта, герцога Ланкастерскаго (будущимъ королемъ Генрихомъ II-мъ) и Томасомъ Моубрѣемъ, герцогомъ Норфолькскимъ. Для дальнѣйшаго развитія дѣйствія лѣтопись Голиншеда дала Шекспиру главные факты – конфискацію наслѣдства, оставшагося послѣ Джона Ганта, отъѣздъ Ричарда въ Ирландію, регентство герцога Йоркскаго, высадку изгнаннаго Болингброка, быстрый успѣхъ поднятаго имъ

мятежа, запоздалое возвращеніе Ричарда, переговоры между нимъ и Нортomberландомъ, отреченіе Ричарда отъ престола, заключеніе его въ замкъ Помфретъ и насильственную его смерть. Но въ комбинаціи этихъ фактовъ поэтъ не стѣсняется указаніями лѣтописца. Событія, между которыми на самомъ дѣлѣ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, слѣдуютъ въ драмѣ непосредственно одно за другимъ. Есть и другія отступленія отъ дѣйствительности: Джонъ Гантъ изображенъ въ свѣтѣ черезчуръ благопріятномъ; королева представлена настоящей супругой Ричарда, горячо любящей его, превосходящей его силою духа, тогда какъ на самомъ дѣлѣ жена Ричарда (вторая; первая умерла нѣсколькими годами раньше), Изабелла французская, была въ то время одиннадцатилѣтней дѣвочкой. Существеннаго значенія все это, однако, не имѣетъ; центръ тяжести лежитъ всецѣло въ самомъ Ричардѣ, — а въ немъ нѣтъ ни одной черты, которая противорѣчила бы исторіи и, что еще важнѣе, всѣ его слова и дѣйствія психологически возможны и понятны. На историческомъ фонѣ, воспроизведенномъ, въ общемъ, безъ

нарушенія перспективы, разыгрывается личная трагедія, полная глубокаго смысла и захватывающаго интереса.

Только что восторжествовавшій надъ противниками, Ричардъ въ началѣ хроники исполненъ вѣры въ недостигаемо-высокое достоинство своего сана. Обязанностей, съ нимъ сопряженныхъ, онъ не сознаетъ, но тѣмъ больше цѣнитъ свою безотвѣтственность. «Мы рождены для власти, а не для просьбъ», говоритъ онъ въ первой сценѣ. Нимало не задумываясь и не колеблясь, онъ рѣшается на такой крайній шагъ, какъ отдача страны на откупъ, хотя ему извѣстно, что пустота казны обусловливается слишкомъ многочисленными его дворомъ и расточительною щедростью. Ему ничего не стоитъ пойти еще дальше и снабдить своихъ намѣстниковъ бланковыми приказами на произвольное обложение болѣе богатыхъ гражданъ. Съ циническою радостью онъ узнаетъ о болѣзни Ганта, открывающей ему новый путь къ обогащенію, и беззастѣнчиво выражаетъ желаніе «опоздать», т. е. прибыть къ дядѣ уже послѣ его смерти (I, 4). Справедливые упреки умираю-

цаго возбуждаютъ въ король только необузданный гнѣвъ. Несмотря на увѣщанія Йорка, онъ немедленно приступаетъ къ конфискаціи имущества Ганта – и все-таки назначаетъ Йорка регентомъ королевства, не допуская мысли, что преданность послѣдняго можетъ и не выдержать тяжелаго испытанія (II, I). Спокойнымъ и самоувѣреннымъ мы видимъ его даже тогда, когда онъ уже знаетъ о бунтѣ Болингброка. Онъ разсчитываетъ, впрочемъ, не столько на свои силы, сколько на неприкосновенность, которую ему даетъ корона. Епископу, напоминающему о необходимости земныхъ средствъ защиты, онъ отвѣчаетъ: «весь бурный океанъ не можетъ смыть божественнаго мѣра съ вѣнчаннаго чела»... на каждаго врага престола «по ангелу пошлетъ сражаться небо». Онъ сравниваетъ себя съ солнцемъ, «при восхожденіи котораго трепещутъ и прячутся преступники». «Воръ и измѣнникъ» Болингброкъ торжествовалъ, пока въ Англіи царила ночь (т. е. не было Ричарда), – но ему не выдержать сіянія возвратившагося дня. Смертельный ударъ гордымъ надеждамъ наноситъ, однако, первая-же вѣсть

о неудачѣ. «Камни скорѣй возстанутъ съ оружіемъ въ рукахъ» – только что восклицатель Ричардъ, – «чѣмъ преклонить свою главу предъ дерзкими врагами родной страны законный государь»; теперь онъ блѣднѣетъ, слушая разсказъ Салисбери, и нужно напоминаніе Омерля, чтобы вновь возбудить въ немъ, на одинъ мигъ, угасшую бодрость. Онъ утѣшаетъ себя мыслью, что одно имя короля равносильно сорока тысячамъ именъ, называетъ Болингброка «ничтожнымъ подданнымъ», но окончательно падаетъ духомъ, когда является второй печальный вѣстникъ. Напрасны уговоры епископа и Омерля: Ричардъ не видитъ, не можетъ и не хочетъ видѣть выхода изъ постигшей его бѣды и проклиная того, кто старается совлечь его «съ сладкой дороги къ отчаянію». Смѣна настроеній происходитъ въ немъ столь-же быстро, какъ и рѣзко. Болѣзненно воспріимчивый къ впечатлѣніямъ минуты, онъ колеблется, какъ маятникъ, между противоположными крайностями, не зная мѣры то надеждамъ, то унынію. Король, еще недавно считавшій себя неуязвимымъ, чувствуетъ

себя теперь обыкновеннымъ смертнымъ, жертвою нужды и печали (III, 2). Вспышки царственной гордости и упадка духа чередуются и въ разговорѣ Ричарда съ Нортomberландомъ. Не столько въ собственной силѣ, сколько въ очевидной слабости противника Болингброкъ черпаетъ рѣшимость перейти отъ своихъ первоначальныхъ, скромныхъ притязаній къ посягательству на престолъ, ускользающей изъ дрожащихъ рукъ Ричарда (III, 3). Передъ парламентомъ Ричардъ является уже покорнымъ своей участи, хотя и не привыкшимъ еще къ покорности; даже оскорбительное требованіе Нортomberланда – прочитать публично перечень совершенныхъ имъ преступленій – не вызываетъ въ немъ суроваго отпора. Онъ сознаетъ, что окруженъ измѣнниками, но сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что прежде всего измѣнилъ себѣ онъ самъ, и негодованіе погасаетъ въ слезахъ, которыя онъ проливаетъ надъ самимъ собою (IV). Безслѣднымъ проходитъ даже упрекъ, съ которымъ обращается къ нему, въ сценѣ прощанья, королева (V, 1). «Левъ – говоритъ она – и въ смертный часъ грозитъ, кусая землю; такъ

неужель, какъ маленькій ребенокъ, снесешь ты свой позоръ, цѣлуя розгу, и какъ дитя преклонишься предъ властью своихъ враговъ — ты! левъ и царь звѣрей»? Ничего царственнаго не осталось въ Ричардѣ; онъ признаетъ за собою только одно право — право на состраданье. Въ заточеньи онъ иногда вспоминаетъ объ утраченной власти, но тотчасъ же возвращается къ мысли о своемъ ничтожествѣ. Инстинктивно онъ отстаиваетъ свою жизнь противъ убійць — и только умирая, вновь чувствуетъ себя королемъ.

Таковъ Ричардъ II, созданный Шекспиромъ. Его господствующее свойство («*faculte maitresse*»), возводящее его на степень типа — воображеніе, развившееся въ ущербъ всѣмъ другимъ сторонамъ душевной жизни. Благодаря ему, сознание могущества, порожденное раннимъ обладаніемъ властью и укрѣпленное легко доставшимися успѣхами, становится у Ричарда увѣренностью въ высшей силѣ, которой ничто не угрожаетъ и угрожать не можетъ. Основанная не на разумной теоріи, а на горделивой мечтѣ, эта увѣренность мѣшаетъ Ричарду понимать

событія и людей, мѣшаетъ ему давать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и сдерживать свои порывы. Даже паденіе – и это чрезвычайно характерно – пробуждаетъ въ немъ только сожалѣніе объ ошибкахъ, а не раскаянье въ преступленіяхъ. «Какъ же я» – говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ монологѣ, прислушиваясь къ музыкѣ, – «какъ же я, умѣвшій различить фальшивость звука, не въ силахъ былъ замѣтить иной разладъ, возникшій въ государствѣ между мной и тѣмъ, что требовало время? Я время убивалъ безъ сожалѣнья – теперь оно мнѣ платитъ тѣмъ же самымъ!» И такъ, умерщвленіе Глостера, изгнаніе Болингброка и Норфолька, конфискація имущества Джона Ганта, незаконные поборы, разорявшіе страну – все это, даже освѣщенное неугасимымъ свѣтомъ горькаго опыта, приписывается Ричардомъ только недостатку чуткости къ требованіямъ времени! Онъ не очнулся, очевидно, отъ усыпленія, въ которое его погрузили убаюкивающія грезы... Возносившее его, въ моменты счастья, на мнимонедостигаемую высоту воображеніе не позволяетъ ему бороться съ бѣдою, ярко рисуя всю

ея глубину, всю ея безнадежность. Въмѣсто ангеловъ, спѣшащихъ ему на помощь, передъ его глазами проходитъ теперь вереница королей, которыхъ постигла бѣдственная участь. Въ коронѣ, которую онъ недавно считалъ своей охраной, онъ видитъ теперь сѣдалище смерти, насмѣшливо дарящей королямъ короткій мигъ власти и однимъ булавочнымъ уколомъ разрушающей ихъ мнимую твердыню. Передъ этими картинами рушится мысль о противодѣйствіи, о борьбѣ. Ричардъ находитъ въ нихъ какое-то странное наслажденіе; ему сладка дорога къ отчаянію – и именно потому для него нѣтъ возможности поворота. Какъ прежде, такъ и теперь онъ могъ бы сказать, вмѣстѣ съ Макбетомъ: «мїръ видѣній меня обнялъ». Ему любо рисовать свое положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, любо созерцать противорѣчіе между его прошедшимъ и будущимъ. «За четки» – говоритъ онъ Омерлю еще прежде чѣмъ отречься отъ престола, – «за четки я отдамъ мои брильянты, смѣню дворець на нищенскую келью, на рублища – богатая одежда, на грубый ковшъ – узорчатые кубки, на страннической

посохъ – царскій скипетръ», обширное королевство – на маленькую могилу, маленькую, маленькую (какъ знаменательно это повтореніе!), темную могилу. Онъ идетъ еще дальше, выражая желаніе быть погребеннымъ на большой дорогѣ, чтобы подданные попирали ногами голову своего государя; вѣдь попираютъ же они, еще при его жизни, его сердце! Въ сценѣ отреченія онъ, держа корону вмѣстѣ съ Болингброкомъ, сравниваетъ ее съ колодцемъ, себя и своего соперника – съ ведрами: пустое ведро, стремящееся къ верху – это Болингброкъ, ведро, скрытое отъ глазъ и полное слезами – самъ Ричардъ. Ему чудится, что вмѣстѣ съ положеніемъ должно было измѣниться и его лицо – и онъ изумленъ, когда видитъ въ зеркалѣ прежнія свои черты. Работа фантазіи не прекращается въ немъ и въ тюрьмѣ, безсильная, подъ гнетомъ горя, остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ. Въ этомъ преобладаніи воображенія – разгадка невольнаго сочувствія, которое, начиная съ первыхъ ударовъ судьбы, внушаетъ намъ Ричардъ. Его жизнь была точно сномъ, съ сновидѣніями,

навѣянными обстановкой – и даже разразившаяся надъ нимъ гроза только измѣнила характеръ этихъ сновидѣній.

Естественнымъ контрастомъ Ричарду является Болингброкъ, разсудительный, разсчетливый и хладнокровный. Во весь ростъ его фигура возстаетъ передъ нами въ хроникахъ, специально ему посвященныхъ («Король Генрихъ IV», ч. I и 2); но и въ «Ричардъ II» обрисовываются уже основныя черты счастливаго соперника. Болингброкъ возвращается въ Англiю послушникомъ королевской воли, но еще не мятежникомъ: онъ ищетъ только того, что принадлежитъ ему безспорно. Съ средневѣковой точки зрѣнiя, онъ несомнѣнно имѣлъ основанiе сказать (II, 3): «коль скоро мой братъ – король, то по тому же праву я – герцогъ Ланкастеръ». Какъ подданный, онъ обращается къ закону, – и если форма обращенiя необычна, то лишь потому, что для него былъ закрытъ нормальный путь судебной защиты. Что искатель наслѣдства обращается въ искателя короны, этому способствуетъ съ одной стороны самъ король, сразу готовый отдать больше требуемаго, съ

другой – настроеніе страны, рѣшительно враждебное Ричарду (см. рассказъ Скрупа въ 2-ой сценѣ III-го дѣйствія). Настоящая вина Болингброка – въ словахъ, вызвавшихъ преступную рѣшимость Экстона, и эту вину не снимаетъ съ него осужденіе, съ которымъ онъ относится, *post factum*, къ внушенному имъ дѣлу. Крупными, яркими штрихами изображенъ и герцогъ Йоркскій, типичный представитель слабыхъ, нерѣшительныхъ людей, брошенныхъ въ пучину борьбы между противоположными теченіями. Вынужденный стать на ту или другую сторону, онъ испытываетъ мучительныя колебанія – и примыкаетъ, въ концѣ концовъ, къ болѣе сильному. «Я оставленъ опорой трона» – восклицаетъ онъ при первой вѣсти о мятежѣ, – «я, въ комъ нѣтъ силъ поддерживать себя» (II, 2)! «Вѣдь надо жъ дѣлать что-нибудь», говоритъ онъ самъ себѣ – и, въ сущности, ничего не дѣлаетъ. Свое объясненіе съ Болингброкомъ (II, 3) онъ начинаетъ угрозами и упреками, а заканчиваетъ утѣшеніемъ слабыхъ – ссылкой на обстоятельства, лишающія его возможности сопротивляться. Онъ плачетъ,

видя униженіе Ричарда передъ Болингброкомъ (III, 3), но первый провозглашаетъ новаго короля, уступая епископу Карлейльскому почетную роль заступника за право (IV). Неумолимо твердымъ онъ является только какъ обвинитель Омерля (V, 2 и 3), опасаясь, очевидно, что измѣна сына повлечетъ за собою опалу и для отца... Изъ среды придворныхъ выдается только одинъ Нортomberлэндъ, льстивый съ сильнымъ (II, 3), безжалостный къ слабому (IV и V, 1), побуждаемый къ мятежу не столько несправедливостью короля къ Болингброку, сколько страхомъ за собственную безопасность (II, I). Королева принадлежитъ къ числу тѣхъ нѣжныхъ, безгранично и беззавѣтно преданныхъ женъ, которыхъ съ такою любовью рисовалъ Шекспиръ. Ей не чужда, однако, способность «возстать на море бѣдъ»; она томится предчувствіями (II, 2), съ трудомъ переноситъ тягостную неизвѣстность (III, 4), но, когда разразилось несчастье, встрѣчаетъ его съ большимъ мужествомъ, чѣмъ Ричардъ (V, 1). Къ ней приурочена прелестная сцена съ садовникомъ (III, 4), устами котораго народная мудрость

произносить глубоко продуманный приговор надъ королемъ, недостойнымъ своего сана... Съ удивительною силой необузданность и грубость средневѣковыхъ нравовъ отражается во взаимныхъ обвиненіяхъ Болингброка и Норфолька (I, 1 и 3), Бэгота и Омерля (IV). Послѣдняя сцена, во многомъ повторяющая первую, можетъ показаться излишней, но она довершаетъ характеристику среды, въ которой происходитъ дѣйствіе.

Первое изданіе «Ричарда II» появилось въ печати въ 1597-мъ, второе – въ 1598-мъ, третье – въ 1608-мъ, четвертое – въ 1615 г. Въ первыхъ двухъ изданіяхъ нѣтъ той части четвертаго акта (начиная со словъ Нортomberленда: «угодно-ль, лорды, выслушать искъ общинъ» до словъ Болингброка: «Въ ближайшую изъ средъ желаемъ мы короноваться»), въ которой дѣйствующимъ лицомъ является Ричардъ. Большинство комментаторовъ полагаютъ, что она была написана одновременно со всѣмъ остальнымъ, но не допущена къ печати – а вѣроятно и къ представленію – въ царствованіе Елизаветы, къ концу своей жизни утратившей прежнюю популярность и

имѣвшей поводъ сомнѣваться въ прочности своего престола. Въ подтвержденіе этого предположенія указываютъ съ одной стороны на то, что четвертый актъ, безъ указаннаго мѣста, несоразмѣрно кратокъ (всего 169 стиховъ, между тѣмъ какъ въ пятомъ актѣ ихъ 553, въ третьемъ – 579), съ другой стороны – на то, что передъ возстаніемъ Эссекса (1600) его сообщники заставили актеровъ играть на улицахъ и площадяхъ трагедію о Ричардѣ II-мъ, съ намѣреніемъ произвести впечатлѣніе, невыгодное для королевской власти. По общему признанію, эта трагедія – не хроника Шекспира, а другая пьеса, раньше написанная и менѣе благосклонная къ Ричарду; но важно то, что заговорщикамъ казалось не бесполезнымъ напомнить о низложеніи короля – и, слѣдовательно, такого напоминанія могла опасаться королева [1]. Есть, однако, и другое мнѣніе, менѣе рѣшительное: одинаково возможнымъ признается и составленіе четвертаго акта съ самаго начала въ той формѣ, какую онъ имѣетъ въ третьемъ и послѣдующихъ изданіяхъ, и позднѣйшее его дополненіе, вызванное имен-

но сравнительною краткостью акта. Въ подтвержденіе послѣдней гипотезы указываютъ на то обстоятельство, что и въ первоначальномъ своемъ видѣ четвертый актъ образуетъ стройное цѣлое; недостающее въ немъ мѣсто не можетъ быть названо притомъ болѣе опаснымъ для авторитета и престижа королевской власти, чѣмъ все остальное содержаніе хроники. Убѣдительность этихъ соображеній весьма невелика. Страннымъ представляется уже отсутствіе главнаго дѣйствующаго лица въ самый разгаръ дѣйствія; трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ Ричардъ, составляющій средоточіе и суть всей пьесы, могъ быть оставленъ за кулисами въ самый рѣшительный моментъ его жизни. Во внѣшнемъ, логическомъ смыслѣ нельзя отказать четвертому акту и въ той формѣ, какую онъ имѣетъ въ первыхъ двухъ изданіяхъ; но напрасно было бы искать въ немъ внутренняго, поэтическаго смысла, глубокой связи со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ. Ричардъ, слагающій съ себя корону, — необходимое звено между королевемъ, врасплохъ застигнутымъ бѣдою, и

развѣнчаннымъ монархомъ, покорившимся судьбѣ и способнымъ отстаивать только свою жизнь. Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что состарившейся, подозрительной и осторожной королевѣ особенно опасной должна была показаться именно сцена униженія короля передъ парламентомъ, унизить который было постояннымъ стремленіемъ Тюдоровъ.

Другой спорный вопросъ касается времени составленія хроники. По мнѣнію однихъ, она написана передъ самымъ появленіемъ ея въ печати, по мнѣнію другихъ – нѣсколькими годами раньше, около 1593-го года. Послѣдняго мнѣнія держатся тѣ, кто не особенно высоко цѣнитъ художественное достоинство хроники и сближаетъ ее съ сравнительно слабыми произведеніями Шекспира, напр. съ «Генрихомъ VI». Есть еще среднее мнѣніе, различающее въ «Ричардѣ II» первоначальную основу, тѣсно примыкающую къ лѣтописи, и позднѣйшія поэтическія вставки. Несомнѣнными точками соприкосновенія между «Ричардомъ II» и предшествующими пьесами служатъ двѣ внѣшнія черты:

отсутствіе прозаическихъ сценъ (какъ и въ первой и третьей частяхъ «Генриха VI», въ «Ричардѣ III», въ «Король Джонѣ») и сравнительно частое употребленіе риѣмы; но ни изъ той, ни изъ другой нельзя заключить, что между написаніемъ и напечатаніемъ хроники прошло нѣсколько лѣтъ. Если въ «Генрихѣ IV», непосредственно слѣдующемъ за «Ричардомъ II», проза играетъ такую большую роль, то это объясняется широкимъ мѣстомъ, отведеннымъ въ позднѣйшей хроникѣ комическому элементу, котораго нѣтъ въ «Ричардѣ II»: стихъ являлся мало подходящимъ для рѣчей Фальстафа и К°, Шалло и Сайленса, мистриссъ Куикли и Тиршитъ. Количество риѣмованныхъ стиховъ имѣло бы значеніе только въ такомъ случаѣ, если бы мы не знали, какая хроника написана раньше — «Ричардъ II» или «Генрихъ IV»; но основаніемъ къ тому, чтобы отодвинуть составленіе первой на нѣсколько лѣтъ назадъ, оно служить не можетъ. Чрезвычайно неправдоподобно, наконецъ, предположеніе о позднѣйшихъ вставкахъ. Неодинаковая поэтическая цѣнность различныхъ частей пьесы

вполнѣ возможна и при одновременномъ ихъ написаніи: она объясняется какъ быстрою, съ которою работалъ Шекспиръ, такъ и различіемъ матеріаловъ. Совершенно понятно, что воспроизведеніе событій, которыя въ почти готовомъ видѣ давала лѣтопись (напр. спора между Болингброкомъ и Норфолькомъ), не могло вызвать въ поэтѣ такого подъема вдохновенія, какъ свободное изображеніе душевной жизни его героевъ.

Гервинусъ и многіе другіе видятъ въ «Ричардѣ II-мъ» необходимое введеніе къ трилогіи, посвященной Ланкастерскому дому (двѣ части «Генриха IV» и «Генрихъ V»). И дѣйствительно, всѣ четыре хроники соединены между собою не только тождествомъ нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ (Болингброкъ – Генрихъ IV, Нортomberландъ, Перси, Омерль), не только ретроспективными взглядами, встрѣчающимися въ позднѣйшихъ пьесахъ («Генрихъ IV» ч. 1-ая, III, 2; IV, 3; ч. 2-ая, III, 1; IV, 4; «Генрихъ V», IV, 1), но и «тѣнью грядущаго», отбрасываемою «Ричардомъ II». Такова рѣчь епископа Карлейльскаго въ парламентѣ (д. IV), предвѣщающая междоусобія XI-

го вѣка; таково обращеніе Ричарда къ Норт-томберлэнду (V. 1) – къ этой «лѣстницѣ», которою Болингброкъ достигъ престола; таковы слова Болингброка о своемъ сынѣ (будущемъ Генрихѣ V-мъ), сквозь пороки котораго блещитъ лучъ надежды (V, 3). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ событіяхъ 1399–1400 г. заключалось, какъ въ зародышѣ, многое изъ дальнѣйшихъ судебъ Англіи – и это ясно видѣлъ поэтъ. До крайности парадоксальнымъ кажется намъ поэтому мнѣніе, усматривающее въ «Ричардѣ II» скорѣе конецъ, чѣмъ начало – конецъ по отношенію къ другимъ, не дошедшимъ до насъ пьесамъ, изображавшимъ болѣе ранніе годы царствованія Ричарда II-го. Гораздо скорѣе можно предположить, что, задумавъ дать картину судебъ Ланкастерской монархіи – параллельную той, которую онъ раньше посвятилъ дому Йорковъ («Генрихъ VI» и «Ричардъ III»), – Шекспиръ остановился прежде всего на послѣднихъ годахъ царствованія Ричарда II-го, когда посѣяны были сѣмена могущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и упадка новой династіи.

Есть-ли въ «Ричардѣ II» слѣды политиче-

скихъ убѣжденій и симпатій Шекспира? Нѣкоторые изъ англійскихъ комментаторовъ разрѣшаютъ этотъ вопросъ утвердительно, находя въ «Ричардѣ II» порицаніе злоупотребленій королевской властью – но еще болѣе сильное осужденіе посягательствъ на права законнаго монарха. Чтобы судить о степени правильности этого взгляда, нужно было бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о личности Шекспира; теперь возможны только болѣе или менѣе произвольныя догадки – произвольныя уже потому, что самыя характерныя съ этой точки зрѣнія, мѣста хроники (напр. рѣчь епископа Карлейльскаго) вполнѣ объяснимы изъ хода дѣйствія безъ допущенія какой-либо тенденціи со стороны поэта. Съ полною ясностью отразился въ «Ричардѣ II» только пламенный патріотизмъ Шекспира. Хвалебный гимнъ Джона Ганта въ честь Англій (II, 1) такъ слабо связанъ съ рѣчью, въ которую онъ вставленъ, и до такой степени проникнутъ искреннимъ энтузіазмомъ, что въ немъ нельзя не видѣть настроеніе самого автора. Глубокая нѣжность къ родной странѣ слышится въ словахъ: «Счастливейшее пле-

мя, въ маломъ – мѣръ, роскошный перлъ въ сверкающей оправѣ», – а въ указаніи на ея «всемирную славу» мы узнаемъ современника Елизаветы, гордаго побѣдами Англіи надъ Испаніей, ея вліяніемъ на европейскую политику, ея растущей властью надъ океаномъ.

Примечания

1

Что событія временъ Ричарда II-го и позже могли возбуждать страсти, доказательствомъ этому служить любопытный фактъ, приводимый Гервинусомъ: во время всемогущества и наименьшей популярности Вальполя публика привѣтствовала одобрительными восклицаніями тѣ мѣста шекспировской хроники, гдѣ идетъ рѣчь о зависимости короля отъ его любимцевъ.